

К ИСТОКАМ СТАЛИНИЗМА: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХИЛИАЗМ И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Попов

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Статья посвящена выявлению связей культуры советского тоталитарного общества, характеризующегося наличием культа личности вождя, и средневековых хилиастических движений с их харизматическими лидерами.

Ключевые слова: советская культура, тоталитаризм, культ личности, хилиазм.

TOWARD ORIGINS OF STALINISM: MEDIEVAL CHILIASM AND THE PERSONALITY CULT

This article is devoted to revealing of communications of culture of the Soviet totalitarian society characterized by presence of a cult of personality of the leader, and medieval chiliastic movements with their charismatic leaders.

Keywords: soviet culture, totalitarianism, personality cult, chiliarism

Последнее время в российском обществе приобрела новую остроту дискуссия о сталинском периоде отечественной истории и культуры, обычно определяемом как «тоталитарная эпоха». Свидетельство тому — цикл телепередач «Суд времени», запущенных в 2010 году телекомпанией «5 канал». Значительная часть эфирного времени была посвящена интересующей нас теме, или кампания по инициированию процесса т. н. «десталинизации», пропагандируемая Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека во главе с М.А. Федотовым. Понимая всю

Е.А. Попов, УрФУ. К истокам сталинизма: средневековый хилиазм и культ личности

важность для современного общества дела развития институтов гражданского общества, мы все-таки полагаем, что разговор о сталинизме сегодня должен строиться в рамках исключительно академической дискуссии, нацеленной не на заклеивание его как «социального монстра», а равно и прославление в качестве «уникальной эры искреннего энтузиазма и массового героизма», но направленной на всестороннее полное и объемное понимание этого общественного и культурного феномена.

Многосторонность данного явления, ввиду его исключительной сложности, очевидна. Многообразны также исторические корни, породившие сталинизм и вместе с ним весь т.н. «советский проект». В рамках предлагаемой статьи хотелось бы, оставляя за скобками всё это многообразие, обратить внимание только на один аспект — типологическую связь сталинского культа личности и «советского проекта» в целом с народными хилиастическими движениями средневековья, возникшими в лоне христианской религии. При этом необходимо подчеркнуть, что особенность советского общества 1930—50-х годов заключалась в том, что оно существовало в ситуации «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), в условиях массового общества XX века.

Хилиазм (от греч. χίλις, «тысяча»), или миллениаризм (от лат. mille, «тысяча») — учение, появившееся в первые века Церкви, и распространившееся в Средние века, в основе которого лежит буквальное истолкование пророчества св. Иоанна Богослова из Откровения, говорящего о тысячелетнем Царствии Божиим на земле в конце истории. Хилиастические идеи возникают еще в древнейшем иудаизме, но новый импульс они получают именно в раннем христианстве, где им сочувствовал ряд крупных богословов, таких как св. Иустин-Философ и св. Ириней Лионский. Однако уже бл. Августин подвергает хилиазм резкой критике, в соответствии со своей спиритуальной установкой, которая заставляла его негативно относиться к идее земного чувственного царства. «...И в настоящее время Церковь есть царствие Христово и царствие небесное. Поэтому и в настоящее время святые Его царствуют с Ним, хотя иначе, чем будут царствовать тогда; не царствуют

с Ним только плевелы, хотя и растут в Церкви вместе с пшеницей. Ибо царствуют с Ним те, которые исполняют, что говорит апостол: «Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. III, 1:2)» — говорит Августин в XX книге «О Граде Божьем» [1; 1083].

Таким образом, хилиастические движения в средневековье оказываются в оппозиции официальной церкви и принимают характер еретических учений. Эти движения приобретают, как правило, отчетливо сектантский характер и возглавляются, подобно всяким сектам, харизматическими лидерами-вождями. Весьма показательно, что они довольно рано, — как отмечает С.Н. Булгаков, — «принимают определенный социалистический или коммунистический, а иногда и анархический характер и часто присоединяются к стихийным движениям народных масс»[4]. Характерно сочувствие хилиастическим идеям руководителя крестьянско-плебейского восстания в северно-западной Италии начала XIV века Дольчино или явно милленаристская сущность революционного движения Томаса Мюнцера в Германии эпохи Реформации.

На этих примерах (их можно приводить множество, вплоть до времени Английской революции XVII века) ясно показана демократическая, народная основа милленаризма. Причем, эти народные движения остро нуждались в фигуре вождя-вдохновителя. С.Н. Булгаков приводит историю города Мюнстера, охваченного хилиастической горячкой во время Реформации, возглавлявшейся Иоанном Лейденским, принявшим имя Давида, царя Нового Иерусалима[4].

В России близкой по духу к хилиазму, причем, изначально иудейского корня, была известная в конце XV — начале XVI веков ересь «жидовствующих». Жидовствующие отрицали догмат о троичности Божества, божественную природу Иисуса Христа, верили в грядущий приход Мессии (иудейского Машиаха) и в целом склонялись к примату дольного мира над горним, сама реальность последнего казалась их лидерам, таким как дьяк Федор Курицын, весьма сомнительной. Характерно, что, несмотря на последующую популярность учения в верхушке московского общества, приведшую, в

Е.А. Попов, УрФУ. К истокам сталинизма: средневековый хилиазм и культ личности

конце концов, к её низвержению, первоначально ересь распространялась в плебейской среде — посадских людей и низшего духовенства.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что миллениаризм подпитывался глубокой, при этом, по сути, материалистически ориентированной, верой народных масс, далеких от рафинированной тонкости спиритуального мистического богословия, в счастливую, а значит, сытую, благополучную, жизнь здесь, на земле. Лидерами миллениаристских движений-сект становились, как правило, харизматические фигуры, являвшиеся проводниками этой веры в грядущее (скорое) установление земного Божьего Царства. Залогом её выступала святость, сакральный характер харизмы лидера движения, открывающая дорогу установлению своеобразного культа такой личности.

Интересен в этом смысле пример, связанный с историей русской мистической секты скопцов, представлявшей собой экстремальный, даже изуверский вариант аскетической практики. Её многолетний духовный лидер Кондратий Селиванов признавался адептами «Христом», осуществившим, согласно пророчеству Евангелия, второе пришествие Христова на землю[12; 426—453]. Скопческая предельная аскеза, выражавшаяся в логической необходимости самокастрации как полнейшего отказа от мирских соблазнов, представляла собой крайний «тоталитаризм» на религиозной почве. Окончательное установление скопческого Царства Божия предполагалось в тот момент, когда число самооскопившихся достигнет упоминаемой в Апокалипсисе (Откр., 14:1) цифры в сто сорок четыре тысячи. Очевидно, что именно эти избранные обретут мистический Рай.

Конечно, скопцов (как и «христов»-хлыстов — представителей другой русской мистической секты, распространенной в XVIII—XIX веках) нельзя напрямую отнести к хилистам, но аскетическая направленность (а у хлыстов еще строгая конспирация) их движений заставляют провести аналогию между этими народными течениями и идейно-поведенческими комплексами представителей русским радикальной революционной интеллигенции, преимущественно разночинной по происхождению. О парадоксальных сближениях между общим

направлением русской религиозности и отечественным социализмом и нигилизмом писал еще Н.А. Бердяев в своей классической работе «Истоки и смысл русского коммунизма» [3].

Религиозный хилиазм начинает идти на убыль и постепенно уходит в историю одновременно с усилением общекультурной тенденции, связанной с секуляризацией культуры, приходом индустриального общества на место традиционного, ослаблением роли религии в жизни общества. Это, однако, не значит, что устойчивые структуры, наличествовавшие в общественном сознании (наподобие отвечавших за хилиастические ожидания широких народных масс), моментально исчезли из него. Освободившись от религиозной оболочки, они проявили себя в светском, а точнее квазирелигиозном облике, в частности, заняв свое место в психологических основаниях «советского проекта».

«Советский проект», рассмотренный в подобном ключе, может быть интерпретирован как хилиастическая, или квазихилиастическая утопия, а коммунистическая идеология, лежащая в основе этого проекта, как обещание установления в не столь отдаленном будущем подлинного Земного Рая. Или, как писал Маркс, лишь при коммунизме, по ту сторону царства необходимости, «...начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы» [9; 833].

Сразу стоит оговориться, что предложенная интерпретация «советского проекта» в целом, а также сталинизма и сталинского культа личности в частности, далеко не исчерпывает сущность рассматриваемых феноменов и не претендует на это. Нас интересует лишь один из аспектов данных явлений. «Советский проект» весьма противоречив. Он имеет отчетливо архаические корни, к числу которых относится его типологическая связь с милленаристскими религиозными направлениями предшествующих эпох, с другой стороны эти корни, составляющие предмет данной статьи, выявляются у вполне просвещенческого детища. Свидетельство тому — сам в целом рационально-научный характер марксистской философии, составляющий базис коммунистической идеи. Впрочем, анализ Просвещения как одного из истоков коммунизма не

входит в наши задачи, и поэтому мы вернемся к нашей основной теме.

Итак, «советский проект» как квазихилиастическая утопия исходил из (иррациональной) веры в скорое наступление «светлого будущего», представлявшего собой суррогат веры средневековых хилиастов в тысячелетнее Царствие Божие на земле. (Здесь показательна параллель с «тысячелетним райхом» германских нацистов. Хотя в целом отождествление нацизма и сталинизма, проведенное в ряде известных работ, например, у И.Н. Голомштока[6], представляется нам малоубедительным). Как и в хилиастических движениях, устойчивость советского режима, особенно в его условный классический период (до середины 1950-х годов), опиралась на веру рядовых адептов, или широких народных масс, в исключительную харизму лидера движения (вождя государства). В советском случае в течение четверти века этой харизмой наделялась персона И.В. Сталина. Показательно стихотворение Б. Слуцкого «Бог»[2]:

*Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком,
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иегова [...]*

*Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко, мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом.
С богом почти что рядом.*

Конечно, исходя из нашей концепции, Сталин в сознании, а точнее в бессознательном, масс не вполне Бог, но, скорее, как бы избранник Божий, Мессия, Царь земной, взыскующий Града Небесного здесь, на земле. Впрочем, схожая трактовка образа Сталина у Слуцкого также уместна, особенно если

обратить внимание на строчную букву в слове «бог» в стихотворении.

«Бог» Слуцкого весьма амбивалентен. Отношение к недавно умершему вождю (стихотворение написано в 1955 году) содержит в себе целую гамму чувств, в сложности которой предоставим разбираться профессиональным филологам. В самой сталинской эпохе мы наблюдаем множество текстов и культурных артефактов, маркирующих то, что принято обозначать «культом личности». Неудивительно, кажется, что массы советских людей, вдохновленные квазихилиастическими обещаниями, с энтузиазмом предались восхвалению персонифицированной харизмы (к слову — греч. *χάρισμα*, «милость», «божественный дар», «благодать»). Удивительно другое. Целый ряд виднейших советских интеллектуалов поддался обаянию того, что М. Вебер называл «харизматическим типом господства»[5]. Здесь показательны примеры не только Горького и Пришвина, Фадеева и Симонова, но и таких людей как Пастернак и Чуковский, Эренбург и Мандельштам.

Последнее имя, казалось бы, по недоразумению оказалось в этом списке. Широко известна судьба выдающегося поэта, погибшего в пересыльном лагере под Владивостоком в разгар террора. Даже многие неспециалисты легко цитируют антисталинскую эпиграмму «Мы живем, под собою не чуя страны...» — самое знаменитое стихотворение Мандельштама. Но в контексте нашей темы любопытнее вспомнить другие стихи поэта, написанные в период его воронежской ссылки. Эти стихи не были лишь «досадным недоразумением», они не были просто «выбиты сталинской террористической машиной», как представляется ряду современных публицистов[11], а явились следствием содержания коренных структур сознания поэта, сформировавшихся задолго до сталинского триумфа. Чрезвычайно характерно здесь стихотворение «Если б меня наши враги взяли...». В нем Мандельштамом во вполне хилиастическом духе предсказывается, что «... налетит пламенных лет стая, / Прошелестит спелой грозой Ленин, / И на земле, что избежит тленья (то есть смерти и зла — аналог земного Рая — *Е.П.*), / будет будить разум и жизнь Сталин»[8; 362].

Другое известное «просоветское» стихотворение Мандельштама — так называемая «сталинская ода» «Когда б я уголь взял для высшей похвалы» [8; 359—361], столь высоко ценившаяся за её художественные достоинства нобелевским лауреатом И.А. Бродским. Среди многочисленных славословий Сталину это одно из немногих — талантливое.

Перед нами медленно и с любовью написанный портрет «исполина», «отца и друга». Художник должен «беречь и охранять» этого титана, могучую эпическую фигуру, за которой идет весь народ и все человечество, и на чьей стороне высшая истина будущего. В финале оды поэт, искупая вину своего прежнего неверия, сливается с массой человечества и теряется в ней:

*Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит.*

Бессмертие поэзии, мотив «памятника», как показал В.М. Живов[7], становится производным от бессмертия обновленной жизни «на земле, что избежит тленья», «где смерть уснет, как днем сова». Искупление завершается воскресением, стихотворение приобретает религиозную, предположим, что хилиастическую окраску.

Однако кульминационной строфой оды является центральная, четвертая по счету, строфа:

*Он свесился с трибуны, как с горы, —
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры.
Густая бровь кому-то светит близко...*

Оставляя в стороне образ вождя-харизмы (т.е. благодати), обратим внимание на уже чуть выше приведенный образ «бугров голов». Людская масса, увиденная с вертикали трибуны, представляется именно такими «буграми». Эта мандельштамовская поэтическая оптика заставляет нас вспомнить тот факт, что XX век остался в истории как век триумфа т.н. «массового общества». Как писал Х. Ортега-и-Гассет на первой же странице своего «Восстания масс»: «Происходит явление, которое, к счастью или к несчастью, определяет современную

европейскую жизнь. Этот феномен — полный захват массами общественной власти» [10; 15]. Поэтому нужно иметь в виду, что в эпоху «восстания масс» именно последние во многом формируют вождя, а вовсе не наоборот. То есть при господстве массового общества тоталитаризм возможен лишь как тоталитаризм «снизу». Можно даже предположить в качестве рабочего определения, что т.н. «тоталитарное» общество, объединенное вокруг персонифицированной харизмы, — это массовое общество XX века, ориентированное не на профанистическое «потребление» здесь и сейчас, а на сакрализованное «изобилие» в «светлом будущем», в соответствии с коммунистическим принципом «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Впрочем, это уже тема другого исследования.

1. Августин Аврелий. О Граде Божьем / Аврелий Августин. Минск, Харвест, М., АСТ, 2000. 1296 с.
2. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск; М., Полифакт, 1995. 1053 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М., Наука, 1990. 224 с.
4. Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм / С.Н. Булгаков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/BulgS/_Index.php
5. Вебер М. Типы господства / М. Вебер [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/unknown_type_of_having/
6. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство / И.Н. Голомшток. М., Галарт, 1994. 296 с.
7. Живов, В. М. Космологические утопии и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920—1930-х гг. / В. М. Живов // Сб. статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту: Эйдос, 1992. С. 411-433.
8. Мандельштам, О. Э. Полное собрание стихотворений / О.Э. Мандельштам. СПб., Академический проект, 1997. 720 с.
9. Маркс К. Капитал. Т.3 / К. Маркс. М., Главное изда-

тельство политической литературы, 1955. 865 с.

10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. М., АСТ, 2002. 509 с.
11. Сарнов Б.М. Случай Мандельштама. Заложник вечности / Б.М. Сарнов. М., ЭКСМО, 2006. 416 с.
12. Синявский А.Д. Иван-дурак. Очерк русской народной веры / А.Д. Синявский. М., Аграф, 2001. 464 с.